

Независимая газета. — 1999. —
ПАПА ГАБР — 1 окт.
— с. 7

Юбилей Евгения Габриловича

Андрей Зоркий

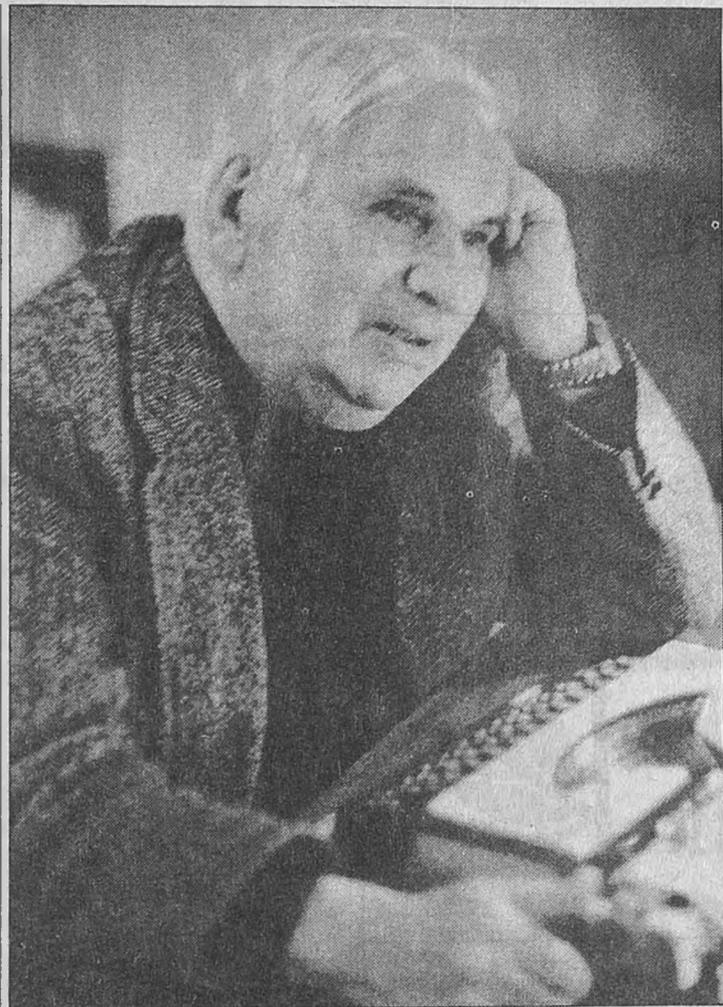
ЕВГЕНИЮ ГАБРИЛОВИЧУ исполнилось бы на этой неделе сто лет. Не дожил он до них совсем немного. Работал буквально до последних дней. Готовил многотомник своих сочинений. И каждодневно писал «Клочки» — последнюю книгу воспоминаний, заметок, идей, сценарных замыслов — по его собственным словам, «брызги того, что видел», «шепотки того, что прошло», «крупинки, капли, пестрота...», «сплав из того, что было со мной и что не со мной».

Время гнуло его физически, хотя почти девяностолетнему старику неизвестны были болезни. И он работал. Он был и остался единственным кинодраматургом — Героем Социалистического Труда. Хотя, прямо скажем, ничего социалистического, да и героического в его творчестве не было. Да, по его сценарию был поставлен Юлием Райзманом замечательный фильм «Коммунист». Но это не о той и уж тем более не о нынешней компартии. Это фильм о Человеке. О его великом Труде, Любви и Вере. Не случайно римской католической церковью с ведома Папы Римского фильм «Коммунист» значится в числе рекомендуемых для просмотра самой массовой аудитории верующих.

Помню Евгения Иосифовича еще совсем молодым, стройным и энергичным мастером ВГИКа. Не без его помощи я попал в институт, удручив приемную комиссию представленным мною рассказом о юном романтике, оказавшемся за решеткой. Я стал учиться, кстати, на одном курсе с Алешей Габриловичем, моим однокашником по школе, вгиковской мастерской, а потом и соавтором по многим работам на ТВ, где Алексею суждено было стать одним из ведущих режиссеров-телевизионщиков. Дом Габриловичей на улице Фурманов-

ва с припиленной мраморной доской в честь венгерского писателя Мате Залка, погибшего в Испанской гражданской войне, был воистину писательским. На этой же улочке жил и великий клоун Никулин, а в ближайшем доме на стенке болталась шапка чапаевского комиссара (сам видел ее). Но главное — балкон к балкону Габриловича обитал в писательском доме Михаил Булгаков. Еще молодой папа Габр (так называли его поколения учеников) вежливо осведомился у соседа: «Что вы пишете?» — «Да так, вещицу одну». В полночь отсюда выводили в кагэбэшную «эмку» Осипа Манделштама. В этом доме не любили советскую власть, в квартире Габриловичей — тоже. После того как писатель успел в беспокойной юности побывать и варильщиком сахарина, и наивным анархистом, и репортером уголовной хроники, и виртуозным тапером, между прочим, в Театре имени Мейерхольда (впоследствии он не мог сыграть и «Чижика-Пыжика»), затем написать первые книги и сценарии, пройти тысячи верст фронтовым корреспондентом, Габрилович оказался безродным космополитом, его определили на студию хроники писать безымянные тексты. Выкарабкивался он медленно, трудно. Наконец позволили писать экранизации. Так он сделал «Овода», «Два капитана», «Воскресение»... Вернувшись к оригинальной авторской работе, он постоянно набивал (преобольно!) партийные шишки и удовлетворял в слезах идиотские замечания («Как! Владимир Ильич Ленин не может вспомнить фамилию погибшего кладовщика Василия Губанова с Шатурской стройки?!»)... Нет, никогда не состоял. И всю жизнь отстаивал право даже в историко-революционных картинах изображать события камерно, через человека, а не монументально, через массы.

Мне выпала невеселая участь провожать в последний путь всю

Евгений Габрилович.
Фото Григория Цитриняка

семью Габриловичей. Сначала Нину Яковлевну, жену папы Габра, Алешину мать. Ее отпевал священник. Не в церкви, а дома. Помню стоявшего рядом с гробом Александра Галича. Помню удивительный монолог из грустного и почти автобиографического рассказа «Филипок», прочитанного над усопшей: «Дорогая моя, любимая, бесценная и единственная! Все, что я написал, залумал, выполнил в моей долгой работе, все это ты, от тебя твои мысли, воля, настойчивость, побуждавшие меня к труду»... Потом наступила очередь патриарха...

Папу Габра провожали его ученики, мастера нескольких поколений, друзья, коллеги, сын и внуки... Как настоящий патриарх, как могучий столетник, он оставил за собой в своих картинах, в своих учениках живое древо близкого ему «камерного», душевного, исповедального кинематографа.

А когда трагически рано ушел из жизни Алеша Габрилович, семья вновь собралась на старом Новодевичьем кладбище на одной могиле с мраморной плитой и обелиском. Там, где чисто и светло.